

Б. С. МЕЙЛАХ

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

В дни пушкинского юбилея 1949 года советская печать и общественность справедливо отметили достижения советского литературоведения в изучении жизни и творчества Пушкина. Наша советская наука очистила образ Пушкина от «красок чуждых», которые накладывало на него буржуазно-дворянское литературоведение. На протяжении более тридцати послеоктябрьских лет велась острая борьба против всякого рода фальсификаций пушкинского наследия: буржуазно-либеральных, космополитических, формалистских и вульгарно-социологических. Советские ученые, на основе марксистско-ленинской теории, стремились раскрыть громадное значение Пушкина в истории культуры и литературы, в развитии революционного движения и передовой общественной мысли, значение пушкинского наследия для нашей, социалистической эпохи.

Лет пятнадцать назад, в середине 30-х годов, перед нашей наукой еще стояла задача создания биографии Пушкина; тогда не было ни одной биографии, которую можно было бы рекомендовать советскому читателю. Теперь у нас имеется ряд биографий Пушкина разного типа. Давно ли еще отсутствовали на книжных полках такие издания, как научно проверенный однотомник сочинений Пушкина или как комментированное массовое издание всех произведений Пушкина? Теперь мы такие издания имеем. За последние годы вышел ряд новых исследований о жизни и творчестве Пушкина. Высокого признания — Сталинской премии — удостоена монография Д. Д. Благого «Творческий путь Пушкина». Однако, в сравнении с теми громадными и справедливыми требованиями, которые предъявляет к литературоведению социалистическая современность, работа в области изучения жизни и творчества

Пушкина должна быть значительно расширена и улучшена. Мы еще в большом долгу перед читателями.

Огромное значение для дальнейшего подъема всей советской науки, и в том числе для литературоведения, имеют гениальные работы товарища Сталина о марксизме в языкознании. Эти труды являются ориентиром в разработке сложнейших вопросов литературоведения, мощным орудием борьбы со всякого рода вульгаризациями. Грубое искажение марксизма, которое марровцы проводили в области языка, имеет место в трактовках роли и значения Пушкина. Именно рапповским, пролеткультовским подходом к классическому наследию были продиктованы всякого рода «теории» о том, что Пушкин «устарел», что, будучи дворянином, он не мог выйти за рамки узко классовых интересов и т. п. В одной из учебных программ по литературе, выпущенных в 1928 году, содержался такой тезис: «Пушкин, отражая тенденции экономики России в период падения хлебных цен, принадлежал к дворянам, стремившимся к формам буржуазного землевладения». Конечно, теперь такого рода вредные пошлости больше не повторяются. Но это не значит, что мы должны ослабить борьбу с пережитками всякого рода вульгаризаторских взглядов. Напротив, это говорит о том, что мы должны учитывать возможность рецидивов неправильного, искажающего пушкинское наследие подхода. Вульгаризаторы от литературоведения, зачеркивая роль Пушкина для нашей современности, доходили и до полного отрицания значения пушкинского языка: ведь, по утверждению Н. Я. Марра, литературный язык, существовавший до 1917 года, «по содержанию своему не отвечает потребностям строящегося социализма, а по форме находится в противоречии с мышлением пролетарских трудящихся масс». Работы товарища Сталина о марксизме в языкознании полностью разоблачили вреднейший смысл этой и всякой иной вульгаризации марксизма. Являясь высочайшим образцом творческого марксизма, сталинские труды направляют советских ученых на разработку существеннейших, коренных научных проблем, выдвигают перед нами необходимость усиления борьбы за глубокое внедрение маркистско-ленинской теории в науку.

В наше время Пушкин приобрел действительно всенародную популярность. В этом выражено на деле ленинско-сталинское отношение к культурному наследию прошлого, неустанные заботы большевистской партии о духовном росте советского народа, о развитии русской культуры и культуры братских народов.

Поистине грандиозный размах получило празднование в 1949 году Пушкинского юбилея — 150-летия со дня рождения Пушкина. В дни юбилейных торжеств с особой очевидностью обнаружился весь вред и вместе с тем все ничтожество имевших ранее место попыток буржуазных ученых очернить прекрасный облик великого русского поэта, представить его подражателем западноевропейским писателям, превратить его из протестанта и непримиримого врага угнетения и рабства в либерала, который якобы только и думал о том, как примириться с царским самодержавием.

Мы живем в такое время, когда Пушкина изучают не только специалисты или «любители», но и весь народ. Разве не волнующим является факт проведения многих пушкинских конференций на заводах и в колхозах, где доклады о поэте делали рабочие, рядовые колхозники, советские и партийные работники. Посмотрите книгу отзывов Всесоюзного Пушкинского музея — сколько там ценных замечаний, обнаруживающих прекрасную осведомленность рядовых посетителей в биографии и творчестве Пушкина. Характерно, например, то, что именно *массовый* зритель отверг натуралистическую картину художника Лактионова «Пушкин в Михайловском», которую кое-какие «знатоки» пытались выдать за подлинное произведение реалистического искусства.

Такая же проверка жизнью, проверка мнением народа происходит и в пушкиноведении.

Вспомните вызвавшее большой общественный резонанс письмо двух шахтеров В. М. Молотову в 1936 году о текстах Пушкина.¹ В этом письме рабочие писали товарищу Молотову, что в новом издании Пушкина, по их мнению, имеются искажения. В стихотворении «К Чаадаеву» вместо «Заря пленительного счастья» они прочли «Звезда пленительного счастья» и вместо «тихой славы» — «гордой славы». Их встревожили эти разночтения, и они обратились к товарищу Молотову, учитывая, что издание Пушкина — мероприятие государственного значения. Тогда была произведена серьезная проверка этих фактов. Правда, оказалось, что искажений в данном случае не было, разночтения были основаны на более достоверных, чем в предыдущих изданиях, текстах. Но тем не менее самое обращение рядовых рабочих-читателей к В. М. Молотову по этому поводу чрезвычайно знаменательно.

Мощный рост нашей культуры, как культуры народной, действительно изменил требования к типу научного работника,

¹ Письмо опубликовано в «Литературной газете», 1936, № 71.

к типу научной работы вообще и также, конечно, к работе пушкиноведческой. Безвозвратно прошло то время, когда пушкинисты, по словам Анненкова, представляли собой целую «школу... археологов...», которые, освободив себя от труда мышления, заменили его трудом простого собирания документов... перечета отметок... на различных актах и тому подобными предварительными работами...».¹ Конечно, было бы неверным отрицать значение работников, специально занимающихся предварительным процессом элементарного накопления и обработки фактов, библиографией и т. п. Но сейчас пушкиноведение прочно встает на тот путь, который характерен для нашего советского литературоведения вообще, — это путь соединения теории литературы, истории литературы и критики с использованием всех вспомогательных дисциплин, включая источниковедение, текстологию и т. д. Нам нужны работы, где литературовед, вооруженный марксистско-ленинской методологией, владеющий историко-литературными фактами и всей богатой филологической техникой, изучает литературные явления в процессе развития, выясняет их значение в прошлом и их ценность для современности.

Ленин писал: «Максимум марксизма = максимум популярности и простоты...».² Конечно, жанры специального литературоведческого исследования и, скажем, массовой научно-популярной брошюры имеют свою специфику. Но, во-первых, простота изложения не противоречит глубине исследования, а должна являться одним из неперенных условий ее. Во-вторых, мы не можем не считаться с тем, что и специальная литературоведческая работа интересует широчайшие читательские круги. Уже одно это требует отказа от всякого рода искусственной усложненности, от длинных экскурсов на незначительные темы, уводящие от основных задач пушкиноведения, наконец, отказа от литературоведческого жаргона, засоряющего язык. Вместе с тем нужно бороться и со всякого рода невежественными попытками некоторых горе-литераторов судить и рядить о Пушкине без знания огромного материала, накопленного советской наукой. Такого рода литераторов наша печать подвергала справедливому осуждению.

Прежде чем перейти к проблемам советского пушкиноведения, следует кратко сказать об одном выдающемся событии в пушкиноведении — о завершении академического 16-томного «Полного собрания сочинений» Пушкина. Впервые в истории

¹ «Вестник Европы», 1881, кн. 2, стр. 915.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. XXX, изд. 3-е, стр. 331.

пушкиноведения здесь прочтено все рукописное наследие Пушкина до последней строки, до последней буквы, включая самые сложные черновики, многократно перечеркнутые, те, которые раньше считались невозможными для прочтения.

В результате этой работы мы имеем громадный новый материал по истории Петра, новые материалы по истории Пугачева. Мы имеем замечательный том вариантов прозы, который расширяет наши знания о Пушкине-прозаике.

В этом издании, несомненно, сказались правильность общих принципов нашей советской текстологии, которая исходит не из формальной транскрипции текстов, а из необходимости раскрыть замысел произведения. Как показала практика, одного только умения хорошо читать трудный почерк недостаточно для текстолога: громадное значение имеет его методологическая вооруженность. Текстология — это не «чистая», «беспартийная» наука. Достаточно указать на примеры работ таких текстологов-пушкинистов, как Анненков или Шляпкин, чтобы стало ясно, что они вносили свои идеологические интересы и в эту, казалось бы, специальную отрасль изучений литературного наследия. В советской текстологии правильное понимание идейно-творческой эволюции Пушкина помогло очистить его тексты от всякого рода искажений и вскрыть ряд ранее непонятых и нераскрытых замыслов.

Однако, говоря о громадном значении академического издания, надо сказать и о больших его недостатках. Прежде всего недостатком этого издания, который значительно его обесценивает, является то, что в нем нет комментариев. Я не говорю об историко-литературных комментариях, которые с большей или меньшей легкостью всегда можно восполнить.

Речь идет о другом. Дело в том, что в этом издании даются новые чтения целого ряда текстов, даны новые даты многих произведений, а между тем, ввиду отсутствия комментариев, эта работа осталась зашифрованной не только для грядущих поколений ученых, но и для современного исследователя. Каждый, кто захочет узнать, почему в том или ином случае выбран именно данный, а не иной текст, почему указана данная дата, должен проделать заново всю работу, т. е. самостоятельно обосновать мотивы, по которым здесь воспроизведены новые редакции текстов и указаны новые датировки.

Мне кажется, что на этой конференции нужно предложить, чтобы, в дополнение к академическому изданию, были изданы специальные комментарии, в которых должны быть даны обоснования текстов и датировок. Без этого нельзя считать это издание завершенным.

Следует отметить, что в академическом издании имеется немало спорных решений ряда текстологических вопросов, имеются и ошибки. Это издание, при всех его достоинствах, конечно, не снимает ряда текстологических проблем пушкиноведения. Необходимо дальше усовершенствовать способы воспроизведения вариантов с тем, чтобы они в большей степени передавали движение творческого процесса Пушкина, были доступнее для читателя. В дальнейшем мы, конечно, еще вернемся к обсуждению академического издания и к вопросу о развитии пушкинской текстологии.

Перехожу к проблемам изучения мировоззрения и творчества Пушкина.

Тема моего доклада является очень широкой и требует ограничений. Поэтому в нем ставятся только некоторые из большого количества вопросов пушкиноведения. Моя задача несколько облегчается тем, что остальные доклады, включенные в программу конференции, охватывают в той или иной степени важные проблемы пушкиноведения.

Главной задачей пушкиноведения является всестороннее освещение роли и значения Пушкина в развитии передовой русской национальной культуры, раскрытие его самобытности и своеобразия. В этой связи особо важной проблемой является изучение языка Пушкина, ибо, как указал товарищ Сталин, «национальный язык есть форма национальной культуры».¹ Без понимания принципов разработки и использования Пушкиным богатств общенародного языка — этого, по определению Горького, «первозлемента» литературы, без исследования роли Пушкина в истории русского литературного языка нельзя понять и всего значения деятельности великого русского национального поэта. Классические работы товарища Сталина представляют собой основу для разработки этих проблем во всей полноте.

В своем труде «Относительно марксизма в языкознании» товарищ Сталин пишет:

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык,

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат. 1950, стр. 21. (Дальше нами указываются только страницы этого издания).

то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина» (стр. 9).

Из этого положения товарища Сталина следует, что язык Пушкина является основой современного литературного языка. Товарищ Сталин разбил антимарксистскую теорию Марра о классовости языка и указал, что «... везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения» (стр. 12). В. И. Ленин писал о необходимости составить словарь «современного (от Пушкина до Горького) русского языка».¹ Отсюда следует необходимость для нашей науки всесторонне изучить в свете сталинских работ роль Пушкина в развитии русского литературного языка не только в историческом аспекте, но и с точки зрения сегодняшнего дня.

В свете сталинских работ следует всесторонне раскрыть сущность того исторического этапа развития русского литературного языка, который воплощен в творческой деятельности Пушкина. Нередко можно было встретить такие толкования роли Пушкина, согласно которым до Пушкина литературного языка не существовало, или утверждение о том, что Пушкин создал новый язык, противоположный якобы существовавшему дворянскому языку. В свете работ товарища Сталина очевидна неправильность таких трактовок.

Товарищ Сталин пишет, что «... развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем разворачивания и совершенствования основных элементов существующего языка» (стр. 27). В разворачивании и совершенствовании основных элементов общенародного, национально-самобытного русского языка и заключалась великая историческая заслуга Пушкина (а не в том, что он якобы создал новый язык). Из высказываний самого Пушкина следует, что он понимал задачу развития русского языка не путем уничтожения старого и построения нового, а на основе сближения языка, закрепленного в «книжной словесности», с находящимся в постоянном движении разговорным языком народа. «Письменный язык, — писал Пушкин, — оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 416.

в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка».¹

Верное решение вопроса о взаимоотношении народного и литературного языка указал Горький:

«Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, „сырой“ язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его».²

Историческая роль Пушкина, как основоположника современного русского литературного языка, заключается в том, что он закрепил и разработал в литературе общенациональную норму русского языка, обогатил достижения предшествующих ему выдающихся русских писателей сокровищами живой разговорной речи народа, закрепил в литературе правильное понимание многих слов и терминов. Выполняя эту грандиозную созидательную работу, Пушкин боролся против попыток реакционных групп дворянства извратить, задержать развитие русского литературного языка.

На основе трудов товарища Сталина о марксизме в языкознании необходимо внимательно исследовать роль Пушкина в той острейшей борьбе по вопросам о путях развития русского литературного языка, которая развернулась в первой трети XIX века. Эту борьбу, сложную и противоречивую, необходимо раскрыть, руководствуясь положением товарища Сталина о том, что «... язык и законы его развития можно познать лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» (стр. 22). Товарищ Сталин показал, что язык, как средство общения людей в обществе, одинаково обслуживает все классы общества, но отдельные социальные группы не безразличны к языку. Известно, что в вопросах о путях развития языка всегда проявлялись интересы различных социальных сил. В эпоху Пушкина с особенной яркостью проявилось отмеченное И. В. Сталиным стремление отдельных социальных групп «... использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения». Товарищ Сталин указывает далее, что «... осо-

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 96. В дальнейшем цитируется это издание (т. I—XVI, 1937—1949).

² М. Горький. О литературе. Изд. 3-е, М., 1937, стр. 220.

бенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются „классовые“ диалекты, жаргоны, салонные „языки“» (стр. 13).

В начале XIX века в России дворянская аристократия, оторвавшаяся от народа, стремилась использовать язык в своих интересах, пыталась всячески воспрепятствовать тому, чтобы литературный язык служил оружием борьбы за разрушение феодально-крепостнического строя. С этой целью космополитические круги дворянства стремились утвердить в литературе свой салонный жаргон и засорить русский язык иностранными словами, обеднить его словарный состав, исказить правильное понимание важнейших терминов. Другая группа реакционного дворянства — националистическая — пыталась утвердить в качестве литературного языка книжный церковно-славянский, тем самым выступая против «общепонятности» (*Пушкин*) и желая воспрепятствовать обновлению словарного состава русского языка.

Подобные попытки нельзя, разумеется, квалифицировать как создание особого, дворянского, языка. В конечном счете, это были бессильные потуги вытеснить или заменить могучий, богатый русский общенародный, национальный язык жаргоном «для немногих». Несомненно, что все эти попытки были направлены против национально-самобытной русской культуры (формой которой является национальный язык) и мешали развитию литературы по реалистическому пути. Поэтому против псдобных попыток решительно восстали передовые силы общества. В свете работ товарища Сталина очевидно, что основной магистральной линией развития русского литературного языка могла быть только та линия, которая исходила из общенациональной нормы русского литературного языка, которая считала, что литературный язык — это обработанная, наиболее совершенная форма общенародного языка. А этой линии были враждебны и космополитические, и реакционно-националистические группы дворянства.

Огромная историческая заслуга Пушкина заключается в том, что он боролся в вопросе развития литературного языка на два фронта — и против космополитического дворянства, и против лагеря реакционного национализма.

Изучая ход этой борьбы, необходимо осветить исторические события, которые вызвали новые явления в области развития русского литературного языка.

На первое место здесь должно быть поставлено, именно с точки зрения развития литературного языка, такое событие,

как Отечественная война 1812 года. Старая дворянская историография не только игнорировала значение войны 1812 года, но и грубо искажала ее роль. Например, профессор Будде писал, что после 1812 года русское общество переживало сильное увлечение французским языком. Но ведь французофильство может быть отнесено только к дворянской аристократии! Это не значит, что тогда не было общенародного русского языка. Отечественная война 1812 года, в действительности, сыграла огромную роль в сближении языка литературы с разговорным языком народа. На эту тему имеются интереснейшие высказывания современников. Например, участник Бородинского сражения и всего заграничного похода русской армии, член Союза благоденствия, Федор Глинка писал, что литературный слог должен быть понятен не для одних ученых, не для одних военных, но и для людей всякого состояния, ибо «всякие состояния участвовали в славе войны и в свободе отечества». По вопросам языка имеются принципиальные положения и в программных документах декабристов, боровшихся против космополитических извращений языка, против салонного жаргона и против реакционного национализма.

Товарищ Сталин указал, что «классы... иногда по-разному понимают одни и те же слова и выражения» (стр. 40). В этом плане много нового могут дать наблюдения над особенностями семантики пушкинского языка, в частности в области политической терминологии. Пушкин закрепил в литературе враждебное реакционным группам дворянства содержание таких важнейших слов, как «свобода», «просвещение» и другие. Достаточно сравнить понимание таких слов в произведениях, например, Карамзина или Жуковского (не говоря уже о Шишкове), чтобы понять все значение этой стороны деятельности Пушкина.

Работы товарища Сталина являются методологической базой и для изучения индивидуального своеобразия стиля художественных произведений Пушкина, т. е. принципов использования общенародного языка в процессе образного воспроизведения действительности.

Академик В. В. Виноградов, говоря об общих задачах изучения стиля писателя, справедливо отмечает, что «писатель, пользуясь общенациональным языком и его стилистическими средствами, как общим достоянием, силой своего творчества, своего художественного мастерства создает такие языковые ценности, которые могут глубоко войти в сокровищницу общенародного языка. Но, с другой стороны, тот же писатель... может использовать общенародный язык... как средство выражения того или иного мировоззрения. Самый индивидуаль-

ный отбор средств языкового выражения, принципы их концентрации в манере повествования или построения художественных образов, разные способы идеологического освещения или экспрессивной окраски используемого писателем языкового материала могут свидетельствовать о своеобразной мировоззренческой, как говорят некоторые, направленности стиля писателя (и даже целого литературного направления)».¹

Изучение языка Пушкина в литературоведении нельзя отрывать от изучения его творчества. Нам следует изучать этапы развития языка произведений Пушкина в прямой связи с развитием его мировоззрения и художественного метода. По мере того, как принципы реализма и народности все более последовательно воплощались в творчестве Пушкина, он все более глубоко осваивал сокровища народной речи и этим путем добивался безусловного и точного соответствия слов выражаемой мысли. Поэтому, говоря об общих закономерностях взаимоотношения общенародного языка и индивидуально-художественного стиля Пушкина, нужно исходить из рассмотрения этапов его творческой эволюции, связывать изучение *языка*, как материала художественного творчества, с проблемами *стиля*, как определенной идейно-художественной системы.

Все эти и другие вопросы языка и стиля Пушкина, возникающие перед наукой о литературе после появления замечательных сталинских работ о марксизме в языкознании, требуют разработки и широкого обсуждения.² Здесь необходимо объединение усилий литературоведов и лингвистов.

Сталинскими трудами обозначен новый этап во всех областях науки, в том числе в области изучения творчества Пушкина и значения его многосторонней, поистине всеобъемлющей деятельности.

Дальнейшего углубленного раскрытия требует определение Пушкина как родоначальника новой русской литературы, определение, прочно вошедшее в наши работы и в систему преподавания.

Великий подвиг Пушкина заключается в том, что, продолжая лучшие традиции своих предшественников, он создад

¹ Академик В. В. Виноградов. Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания. Сб. «Материалы объединенной сессии Отделения литературы и языка Академии Наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР», М., 1950, стр. 20.

² Подробнее вопросы изучения языка Пушкина в свете трудов товарища Сталина поставлены в моей статье «Великий пример» («Знамя», 1951, № 10).

новую литературу, пронизанную идеей протеста против самодержавия и крепостничества, вскрывающую противоречия исторической действительности, основанную на принципах реализма. Этот тезис развивается в ряде работ о Пушкине. Однако в рассмотрении великой исторической роли Пушкина в развитии передовой русской культуры и общественной мысли еще нет той широты взгляда, которую требовали революционные демократы в своих оценках Пушкина. В отзывах классиков русского революционного демократизма дано глубокое определение роли и значения Пушкина. И Добролюбов и Чернышевский оценивали Пушкина как выразителя и крупнейшего деятеля передовой русской национальной культуры, русского национального просвещения. Добролюбов называл Пушкина одним из вождей русского просвещения. В том же плане о громадном значении Пушкина в истории русской образованности говорил и Чернышевский.

Если исходить из этих формулировок, мы должны оценивать деятельность Пушкина во всех областях, которых он касался, как деятельность борца за передовую русскую национальную культуру в самом широком смысле.

Пришла пора подвергнуть анализу в полном объеме огромный энциклопедический охват Пушкиным всех явлений русской и мировой культуры. Ведь не в том дело, чтобы констатировать широту интересов Пушкина, например, отметить интерес поэта к истории, политике, науке. Дело здесь в другом: для Пушкина, как крупнейшего деятеля русской передовой национальной культуры своего времени, синтетический охват всех явлений культурной и общественной жизни был закономерен, необходим. *Художник, мыслитель, политический деятель* — таким является для нас облик Пушкина, и все эти стороны его деятельности находятся в полном единстве. Такое синтетическое изучение роли поэта было не только невозможно для буржуазно-либеральной науки, но прямо ею отрицалось. Известно, например, что Анненков говорил, что Пушкин не был ни мыслителем, ни политическим деятелем или борцом, а «только художником». В советские годы вышла книга Николая Лернера «Проза Пушкина», где он пытался утверждать, что Пушкину было чуждо теоретическое мышление.

Наша задача состоит в том, чтобы всесторонне раскрыть громадное значение Пушкина для России. Нужно в решении этой задачи показать и традиции Пушкина в русской культуре, и почву, на которой он вырос. Компаративистские измышления о том, что Пушкин — выученик Запада, полностью разоблачены.

Что касается отношения Пушкина к западноевропейской культуре, то наиболее четкую формулировку мы находим в докладе К. М. Симонова на торжественном юбилейном заседании в Большом театре СССР 6 июня 1949 года. Вот что говорил Симонов:

«Впитав в себя драгоценные традиции отечественной литературы, обогатившись глубоким знанием отечественной истории, включив в круг своего писательского внимания все достижения мировой литературы, от греков и римлян до современных ему Байрона, Гете и Вальтера Скотта, Пушкин всю свою писательскую жизнь посвятил открытию новых путей для русской, а тем самым и для всей мировой литературы...»

Он был во всем самобытен и самостоятелен не только как великий художественный гений, но и как принципиальный борец за самобытное развитие русской литературы».

Далее, вскрывая смысл враждебных попыток оторвать Пушкина от национальных корней, Симонов сказал:

«Было бы неверно отрицать широкий и пристальный интерес Пушкина к мировой литературе, к Шекспиру, Байрону или Вальтеру Скотту, интерес, о котором он сам без обиняков говорит на страницах своих статей и заметок. Естественно, что великий поэт, находившийся на вершине мировой общественной мысли и культуры своего времени, использовал из богатства мировой культуры все то, что казалось ему полезным и нужным для роста и развития отечественной литературы, для собственного могучего развития.»

«Но разве Пушкин велик тем, что на него в то или иное время, в той или иной степени повлиял тот или иной писатель?»

«Он велик тем, что он сам влиял на передовых читателей современного ему русского общества, влиял на десятки и сотни миллионов русских людей на протяжении многих поколений, вплоть до наших дней, влиял на великую русскую и на мировую литературу».¹

Пушкин велик тем, что по-новому поставил целый ряд вопросов исторического развития, разрабатывая их на материале русской действительности, отражая коренные вопросы русской жизни. Именно потому, что Пушкин разносторонне воплотил в своем творчестве своеобразие русской нации, он стал и поэтом мировым.

Итак, центральной проблемой творческой деятельности Пушкина, которую необходимо всесторонне осветить, является

---

¹ К. Симонов. Александр Сергеевич Пушкин. Изд. «Советский писатель», 1949, стр. 12, 13, 35.

дальнейшее, по сравнению с предшественниками, утверждение им передовой национальной культуры, основанной на слиянии патриотизма и идей политической свободы, раскрытие особенностей русского национального характера, русской истории, «особенной физиономии народа», как говорил Пушкин. В этой своей деятельности он отразил самые коренные жизненно необходимые требования исторической действительности.

Для правильного рассмотрения этого вопроса наше пушкиноведение в последние годы сделало немало.

Здесь прежде всего надо отметить пристальное внимание советских литературоведов к теме «Пушкин и 1812 год». Раньше значение деятельности Пушкина часто рассматривалось в пределах литературы. Но, как отмечал еще Чернышевский, «не книгами... пробуждается дух нации, — он пробуждается событиями».¹ Наше пушкиноведение стремится всесторонне показать громадное определяющее значение 1812 года для формирования и развития мировоззрения Пушкина. Необходимо дальше расширить разработку этого вопроса на основании учения Ленина—Сталина о национально-освободительных войнах.

Сама логика развития национально-освободительной войны такова, что защита родины и борьба за политическую свободу всегда неразрывно связаны. Здесь Пушкин выступает как типичный представитель всего передового поколения своего времени. И в мемуарах и в стихотворениях декабристов мы находим много материалов, которые свидетельствуют о том, что истоки декабристского движения восходят к 1812 году.

Важно подчеркнуть, что именно в эпоху 1812 года и в послевоенные годы перед будущими декабристами с особой остротой встал вопрос о народе, который спас родину от Наполеона, но который остался в цепях крепостного рабства. Как ни далеки были декабристы от народа, им стало ясно, что судьбы государства нельзя решать, не принимая во внимание судьбу народа. В декабристских мемуарах, в декабристских стихотворениях мы видим живое сочувствие угнетенному положению народа.

Основные отличительные идеи свободолобивой политической лирики Пушкина, лозунги «просвещенной свободы», мечты о времени, когда поэт увидит «падшее рабство» и «народ неугнетенный», — все это выражало глубочайшие чаяния всего передового поколения. Но если бы мы остановились

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. IV, 1948, стр. 765.

только на констатации того, что Пушкин и декабристы желали освобождения народа от цепей деспотизма и крепостничества и оставили бы в стороне моменты исторической ограниченности содержания этих идей, то мы отступили бы от основного марксистско-ленинского принципа классового анализа: историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать. На этом вопросе стоит остановиться подробнее, ибо элементы антиисторической идеализации взглядов Пушкина встречаются в различных работах и до сих пор.

Неизмеримо велик бессмертный подвиг Пушкина и декабристов в борьбе против самодержавия и крепостничества. Но, тем не менее, нашей науке предстоит выяснить *степень* представительства Пушкиным и декабристами народных интересов. То обстоятельство, что Пушкин и декабристы были представителями класса дворян, хотя и лучшей, передовой его части, не мог не отразиться на характере освободительного движения. Об этой эпохе В. И. Ленин говорил: «Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильное без поддержки народа».¹ «Ничтожное меньшинство» — это значит, что весь класс в целом не протестовал, а, наоборот, поддерживал самодержавие и крепостничество, являлся социальной базой существовавшего строя. Исторические условия в то время были таковы, что уозсть революционного движения была обусловлена самой эпохой. На этом этапе «лучшие люди из дворян» (по терминологии Ленина²) были представителями народных интересов. Эта небольшая прослойка дворянского класса поняла свою ответственность за положение народа и на деле проявила свое желание, искреннее желание улучшить это положение. Правда, в творчестве Пушкина, отражавшем действительность в ее самых существенных чертах, революционное отрицание и пафос борьбы перекрывали, а зачастую вступали в противоречие с, так сказать, программными политическими установками и оказывались сильнее тех сторон мировоззрения поэта, на которых сказывалась его классовая принадлежность.

Несомненно, что на всем протяжении своего жизненного пути Пушкин был решительным врагом абсолютизма и крепостничества. Вместе с тем мы можем констатировать, что, будучи решительным врагом абсолютизма и крепостничества, Пушкин на всех этапах своей идейной биографии формулировал свое отрицательное отношение к народовластию. Это

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 294—295.

² Там же, стр. 295.

имеет место в оде «Вольность». Он осуждает порядки, «Где иль народу иль царям Законом властвовать возможно». Это имеет место и в таком стихотворении, как «Кинжал», где отрицательное отношение к якобинской диктатуре выражено со всей отчетливостью. Стихия народных мятежей пугала Пушкина, и хотя идеология его изменялась и развивалась, но отрицательное отношение к якобинцам оставалось неизменным. Даже в 30-е годы, когда Пушкин выразил прямое восхищение народной мудростью, бесстрашием, героизмом Пугачева, все же и тогда он высказывал отрицательное отношение к методам крестьянской, плебейской расправы (хотя и считал, что причины восстания коренились в угнетении народа). По мысли Пушкина, выразителем и носителем прогресса (в революционном понимании этого слова) было передовое дворянство, которому, как писал поэт, выпала историческая миссия борьбы за свободу народа, того народа, перед величием которого он преклонялся, которому он посвятил все свои лучшие помыслы и стремления, свой творческий гений.

Отсюда становится понятным, что известные заметки Пушкина, в которых он защищает, по его терминологии, «просвещенное дворянство», являются своеобразным выражением идеи представительства народных интересов. И здесь Пушкин был не одинок: высказывания, близкие к такого рода пониманию роли «просвещенного дворянства», мы находим и у декабристов. Приведем один из наиболее ярких примеров. Нет необходимости говорить о различиях в политических взглядах Пушкина и Пестеля — самого левого из декабристов. Но нельзя в упомянутой выше связи не вспомнить следующие слова Пестеля о дворянстве (в «Русской правде»): «Дворянство есть установление справедливое, когда основанием своего существования имеет услуги, им отечеству оказываемые». Даже говоря о равенстве граждан и равных выборах в республике, Пестель пишет: «дворяне... будут, вероятно, чаще других граждан избираемы, если будут просвещеннее прочих».¹

Пушкин, утверждая, что «просвещенное дворянство» должно быть защитником народных интересов, не без гордости писал: «Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много» (XII, 335). Этот вопрос заслуживает специальной разработки. Мы обычно говорим о «просвещенном дворянстве», когда формулируем политические взгляды Пуш-

¹ П. И. Пестель. Русская правда. СПб., 1906, стр. 194, 217.

кина, но большей частью в общей форме, не расшифровывая конкретного содержания этой формулировки. А важность ее очевидна.

В. И. Ленин, говоря об ограниченности дворянских революционеров, вместе с тем указывал, что все же они были первым поколением русских революционеров, т. е., следовательно, они являлись на данном историческом этапе самыми передовыми представителями общенациональных интересов.

Своеобразие освободительного движения этого времени сказалось и на значении всей разносторонней деятельности Пушкина, в которой нашли свое воплощение самые передовые стремления эпохи. Он был гениальным художником, и логика художественных образов, отразивших самые существенные черты эпохи, зачастую вела его дальше, чем самые левые программы современников.

Выступая ярчайшим представителем народа в борьбе за передовую национальную культуру, Пушкин должен был вступить в борьбу со всеми антинародными, реакционными силами, с самодержавием и с подавляющим большинством класса, к которому принадлежал (ибо по существу протестовало ничтожное меньшинство этого класса).

Буржуазно-либеральное литературоведение фальсифицировало облик Пушкина, утверждало, что он был пассивным художником, далеким от политических боев. Между тем он был *писателем-борцом*: борьба за утверждение национальной литературы и культуры, обличение всевозможных форм угнетения и реакции проходит через весь его творческий путь. Он боролся с галломанами и англomанами, презиравшими свою родину и русский народ, преклонявшимися перед всем иноземным, перед всяким заезжим иностранцем. Но Пушкин боролся и против тех реакционеров, которые спекулировали в корыстных интересах на чувствах народного патриотизма, извращали его, облыжно утверждали, что русский национальный характер выражается якобы в покорности угнетателям, в преданности самодержавию и вражде ко всему новому. Пушкин обличал проповедников человеконенавистничества, реакционного национализма, врагов просвещения, гуманизма.

Если рассматривать деятельность Пушкина в широкой исторической перспективе развития передовой русской литературы и общественной мысли, то ее остремленность и политическая направленность раскроются со все большей и большей полнотой, обнаруживая новые и существенные стороны.

Нашему пушкиноведению необходимо при изучении Пушкина осветить всю сложность исторических условий борьбы за

национальную культуру, которую вел Пушкин. Выяснение общей картины и четкое определение линий этой борьбы являются исключительно важными для изучения Пушкина и его эпохи. Становятся яснее исторические традиции той борьбы двух культур, о которой В. И. Ленин писал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова».¹ Тенденции и элементы этих двух культур отчетливо проявляются и в пушкинскую эпоху. Мы видим среди современников Пушкина предков Пуришкевича и Струве, предков реакционных националистов и буржуазных либералов, видим и людей, которые явились предшественниками революционных демократов. Нужно распутать все эти линии политической борьбы того времени. Когда мы изучаем исторический этап дворянской революционности и отражение его в деятельности Пушкина, нужно помнить, что борьба протекала в период слабого размежевания политических направлений, ибо в эпоху феодально-крепостническую нет еще той четкости размежевания, которая появляется позже, с усилением классовой борьбы и усилением активности самих масс.

Но вот что важно: в сознании Пушкина и людей его круга понятия *русского, национального* отождествляются с понятиями политического прогресса и защиты народных интересов. Все чуждое этим понятиям воспринималось как антинациональное, антинародное. Такого рода понимание национальной культуры является одним из следствий национально-освободительного подъема 1812 года.

Исключительно важна в истории русской культуры и литературы борьба Пушкина против реакционного славянофила Шишкова и всей группы «беседчиков» с ее платформой. Эта борьба до сих пор трактовалась только как «полемика о старом и новом слоге». А на самом деле здесь нашла яркое выражение борьба «двух культур».

Поразительна та глубина, с которой еще юный Пушкин разбирался в истинной сущности псевдопатриотических писаний Шишкова и его лживо-лицемерных рассуждений о народной гордости и любви к отечеству. В чем своеобразие позиций Шишкова, которое с особенной яркостью выражало линию одного из мощных направлений реакционного лагеря, особенно опасного именно в силу спекуляции на патриотиче-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 16.

ских чувствах? Понятие национальной гордости, понятие национального Шишков отождествляет с преданностью народа самодержавию и крепостничеству. Существующая в литературоведении путаница с определением литературно-политических позиций Шишкова объясняется рядом моментов. Ссылаются на значение манифестов 1812 года, которые писал Шишков. Но народ вкладывал иное содержание в понятия свободы и национальной гордости, чем Шишков. Нечеткость анализа позиций Шишкова в ряде работ объясняется и следующим обстоятельством: известно, что Шишков вел борьбу с дворянским сентиментализмом, а против дворянского сентиментализма выступил также Пушкин. Но конкретный анализ показывает принципиальное различие этой борьбы даже в частных проявлениях, поскольку Шишков, борясь с Карамзиным, с сентименталистами, исходил из принципа реакционного реставраторства, в то время как Пушкин преследовал цель революционного новаторства.

Борьба против реакционного национализма — это одна линия борьбы, она находит продолжение и в 30-е годы (наиболее ярко — в выступлении Пушкина против Лобанова).

Но была и другая линия борьбы Пушкина за передовую национальную культуру — линия борьбы с откровенными галломанами и англломанами, с людьми, чуждыми и враждебными национальной культуре, с теми, кого Пушкин заклеивал в образах графа Нулина или Корсакова в «Арапе Петра Великого» — тех дворян, о которых он с таким презрением писал в «Рославлеве» и которые, по его словам, считали любовь к отечеству педантством. В этом плане следует рассматривать и борьбу Пушкина против болгаринского лагеря, против тех продажных прислужников реакции, которые исходили из лозунга: «где хорошо, там и отечество».

Резкое размежевание Пушкина с этими двумя враждебными передовой культуре лагерями проявилось в его деятельности с полной отчетливостью. Но нужно также отметить часто скрытое, носившее очень сложный характер, размежевание Пушкина с теми представителями либерального дворянства, для которого «вольнолюбие» заключалось лишь в фразе, в поверхностной, показной фронде.

Сложность размежевания Пушкина с этим лагерем мнимых «вольнолюбцев» была тем труднее, что там были люди, с которыми поэт находился в долголетних близких отношениях. Но выяснение расхождения Пушкина с ними особенно важно потому, что является еще одним важным свидетельством органической близости Пушкина именно декабристскому

движению, а никакому иному в той или иной степени оппозиционному движению.

Начало расхождения Пушкина с представителями дворянской фронды восходит к периоду «Арзамаса». По условиям регламента не могу подробно говорить об этом. Напомню только, что «Арзамас» распался после того, как входившие туда декабристы пытались направить эту организацию на путь активной политической борьбы. Характерно, что такая тактика декабристов привела к резкой поляризации сил в этом литературном объединении. Члены тайного общества Н. Тургенев, М. Орлов увидели всю пустоту арзамасской фразеологии, когда нужно было перейти от слов к делу. Когда декабристы заявили о желании перестроить «Арзамас», начались попытки правых арзамасцев отойти от работы, отделаться обычными для собраний этого объединения шутками. Некоторые арзамасцы (например, Северин), как свидетельствуют документы, намеренно старались не присутствовать на заседаниях, где ставились острые политические вопросы.

Расхождение, которое наметилось между декабристами и арзамасцами, было чутко воспринято Пушкиным. Пушкинские отзывы о его арзамасских друзьях говорят об этом со всей очевидностью. Если это до сих пор не было установлено, то лишь потому, что дружественные личные отношения зачастую отождествлялись в литературе о Пушкине с понятием однородности мировоззрения. Но факты говорят об ином. В плане идейном Пушкину были близки по-настоящему, безраздельно люди, которые искренно отстаивали политическую свободу, которые стремились осуществить свои слова в делах.

Тема «Пушкин и декабристы» в основных чертах намечена нашим пушкиноведением верно. Для нас ясно, что Пушкин был друг и соратник декабристов, что деятельность Пушкина и декабристов имеет общие истоки в русской действительности. Но дальнейшая разработка этого вопроса требует более детального изучения соотношений взглядов Пушкина и декабристов. Следует учесть, что среди декабристов были люди различной степени революционности, сторонники как более левых, так и более умеренных программ.

«Пушкин и декабристы после 1825 года» — это другая тема, до сих пор исследователями не развернутая. Советское литературоведение справедливо борется против буржуазной легенды о якобы имевшем место «поправении» Пушкина после 1825 года. Наши советские ученые дали правильную интерпретацию «Стансов». Конечно, «Стансы» отразили иллюзию Пушкина, которого Николай I, лицемерно разыграв-

ший из себя «реформатора», «нового Петра», обманул, как обманул он и декабристов. Чистота субъективных намерений Пушкина, как автора «Стансов», ясна: поэт был убежден, что «уроками царю» содействует «общественному благу» в условиях последекабрьской реакции. В «Стансах» сказалось также просветительское понимание Пушкиным и вопроса о роли личности в истории. Согласно этому пониманию, лицо, обладающее законодательной властью, может по «доброй воле» изменить коренным образом правительственную политику.

Хотя объективно «Стансы» явились ошибкой Пушкина и вызвали известное недоверие к нему в передовых кругах общества (на это указывал Белинский в «Письме к Гоголю»), они не выражают его политическую линию после декабря. Он не отступил от идеалов свободы: стихотворение «Арион» было прямым ответом на обвинения «друзей» («Я гимны прежние пою...»).

В разработке темы «Пушкин и декабристы» имеются некоторые крайности. Если раньше в ряде работ ошибочно говорилось о капитуляции Пушкина перед самодержавием, то в последние годы встречались утверждения, что Пушкин пошел настолько дальше декабристов, что перешел на позиции революционной демократии.

Прежде всего, в каком смысле Пушкин «пошел дальше декабристов»? Ведь сами декабристы, как хорошо известно, не оставались неизменными. О целостном движении декабризма после 1825 года говорить не приходится, оно было разгромлено. Но эволюция декабристов после декабря, с точки зрения их индивидуальной биографии, весьма примечательна. Были среди декабристов впоследствии, как говорили, «благонамеренные» люди, — «протрезвившиеся». Но были и такие, как Горбачевский, который не осквернил свое перо ни одним прошением к властям о каком бы то ни было смягчении своей судьбы, человек, который отказался по амнистии вернуться в Россию. В период «освобождения крестьян» в 1861 году, в то время, когда некоторые участники декабристского движения говорили, что их мечты исполнились, Горбачевский заявил, что это «освобождение» — обман народа. И дальше, если мы возьмем сохранившиеся и дошедшие до нас произведения лучших деятелей декабристских тайных обществ после 1825 года, то мы увидим, что эти деятели эволюционировали в том направлении, что и вся передовая русская общественная мысль.

Проблема народа все более встает перед декабристами. Она отражена, в той или иной степени, и в стихах Одоевского,

и в «Андрее Безымянном» А. Бестужева, и у В. Кюхельбекера в его трагедии «Прокофий Ляпунов».

Рассмотрение эволюции Пушкина на фоне литературно-политической борьбы после восстания декабристов показывает, что, несмотря на свои противоречия, он был выразителем самых передовых общественных сил своего времени.

1825 год был, по сравнению с предшествующими историческими периодами, новым этапом поляризации общественных сил. Представители дворянской фронды, мнимые «вольнoлюбцы», которые раньше грешили вольнолюбивой фразеологией, окончательно капитулировали перед самодержавием. Прочтите последекабрьские письма Жуковского и Карамзина — отклики на восстание: они пронизаны классовой ненавистью к декабристам, среди которых ведь были и коротко знакомые им люди, встречавшиеся с ними на страницах журналов, даже в некоторых литературных собраниях.

Всякого рода иллюзии, которые вспыхивали у Пушкина и нашли свое наиболее полное выражение в «Стансах», — все это выражает не основную линию его развития, а отступление от нее. Основная линия его развития — это послание «В Сибирь», «Арион».

Пора опровергнуть встречающееся иногда утверждение, что после декабрьского восстания Пушкин оказался в полном одиночестве. Нужно суммировать все факты скрытой и явной поддержки Пушкина всем передовым поколением России, поколением, которое продолжало бороться.

С этой точки зрения не изучены достаточно политические процессы 20—30-х годов, даже кружок Критских, даже подпольная поэзия 20—30-х годов, развивавшаяся под прямым влиянием поэзии Пушкина, перепевавшая вольнолюбивые стихи Пушкина, пользовавшаяся его поэтическими лозунгами.

Самым ярким свидетельством верности Пушкина декабристским традициям является теснейшая связь творчества Пушкина с современностью, стремление ответить на коренные вопросы, которые ставила перед ним русская действительность.

Надо сказать, что в наших работах мы много говорим о пушкинской эпохе, когда касаемся проблем, возникавших до 1825 года. Когда же мы переходим к рассмотрению пушкинского творчества *после* 1825 года, то большей частью изучаем произведения Пушкина без привлечения большого фактического материала, характеризующего вторую половину 20-х и 30-е годы. Если пушкинские произведения после 1825 года рассматривать на широком фоне общественно-политической

борьбы, то многое в его эволюции станет более ясным. Станет ясно, что те его произведения, где ставились вопросы крестьянского восстания («Капитанская дочка», «История Пугачева»), являются не только историческими, но и в известном смысле современными ему, т. е. являются попытками разобраться в корнях и движущих силах крестьянских восстаний, бушевавших также в 20-е и 30-е годы. Следует иметь в виду и факты, которые не учтены, которые Пушкин наблюдал, которые лично его задевали. Так, например, после декабрьского восстания, недалеко от Михайловского, произошли крестьянские волнения, носившие весьма острый характер. В одной из деревень Псковской губернии сорок крестьян в течение трех дней выдерживали осаду военной команды. К ним на помощь пришли вооруженные крестьяне. Пушкин не мог этого не знать.

Привлечение таких фактов позволит более конкретно и с большей полнотой понять его жгучую заинтересованность, как художника и мыслителя, в выяснении корней и судеб крестьянского протеста.

Изучение позиций Пушкина в борьбе за передовую национальную культуру и литературу дает основание заключить, что на протяжении всего творческого пути он противостоял и таким идеологам реакционного дворянства, как Шишков и Лобанов, и тем, которых буржуазно-либеральная историография причисляла к сподвижникам Пушкина, к «пушкинской плеяде», но которые в действительности таковыми не являлись.

Нужно разрушить легенду о единстве идейно-политических взглядов Пушкина и людей его ближайшего окружения, с которыми он находился в личной дружбе, — с Вяземским, А. Тургеневым, Жуковским. Пушкин был в идейном родстве с людьми декабристского круга, а не с Вяземским и тем более не с Жуковским, который отрывал поэзию от истоков русской культуры, стремился ослабить революционные порывы Пушкина и примирить его с самодержавием. Мы должны видеть грань, которая проходила между Пушкиным и этими людьми, грань, возникшую еще в «Арзамасе».

В свете этого по-новому встают многие вопросы. Как уже приходилось отмечать, взгляды Пушкина на русскую национальную культуру отличали его даже от таких, в молодости прогрессивных литературных деятелей, как П. А. Вяземский, а тем более — как А. И. Тургенев.

«Однажды Пушкин между приятелями сильно руссофильствовал и громил Запад, — вспоминал Вяземский. — Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятель-

ствам, а частью и по наклонности. Он горячо оспаривал мнения Пушкина. . .».¹

По поводу своих отношений к Пушкину Вяземский говорил: «В политических вопросах мы вообще сходились: разве бывало иногда разномыслие в так называемых чисто русских вопросах».² Это «разномыслие» вскрывается в другом месте в связи с работой Вяземского о Фонвизине: «Между прочим находил он (Пушкин, — Б. М.), что я слишком живо нападаю на Фонвизина за мнения его о французах и слишком горячо отстаиваю французских писателей. При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в отношении суда его над чужестранными писателями».³ Сам же Вяземский так говорит о себе: «Ум мой был воспитан и образован во французской школе. . . , русский ключ. . . пробивался во мне из-под французской насыпи. . .».⁴

Противоречия между Пушкиным, с одной стороны, Вяземским и Жуковским, с другой, постепенно нарастали. Пушкин в 30-х годах еще теснее подошел к коренным вопросам русской национальной истории, он обратился к темам народных восстаний. Вяземский же все дальше отходил от передовой национальной культуры, от родной почвы. Это явилось одной из причин того, что Вяземский быстро эволюционировал в сторону реакции.

Конечно, Вяземский 20-х годов это не то, что Вяземский 30-х годов: в 20-х годах у него были связи с декабристами, его ценили как автора гневно-обличительного стихотворения «Негодование». Но и тогда в его мировоззрении и поведении имелись элементы, предсказывавшие позднего Вяземского. Возмущенное стихотворение Пушкина 20-х годов «Заступники кнута и плети», где подразумевался и Вяземский, не является попросту вспышкой поэта, рассерженного на друзей. Процесс идеологического размежевания, начавшийся еще в период «Арзамаса», достиг наибольшей остроты в 30-х годах.

В 30-х годах Пушкин оказался на рубеже двух эпох: он был связан с эпохой дворянского просветительства и дворянской революционности, разделяя ее слабые и сильные стороны. Но он не оказался человеком, враждебно встретившим (подобно Вяземскому, например) настроения новой эпохи и лю-

¹ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. VIII, 1883, стр. 168.

² То же, т. I, 1878, стр. LVII.

³ Там же, стр. LI.

⁴ Там же, стр. LVIII.

дей нового передового поколения, представителем которого явился Белинский.

Во взглядах Пушкина 30-х годов отразилось все своеобразие и сложность этого переходного времени. Он видел ограниченность литературных аристократов, одобрительно отзывался о литераторах из разночинской среды, не без сожаления отмечал, что старый патриархально-дворянский быт отмирает, и в то же время приветствовал новые тенденции русской жизни, ознаменовавшие приближение конца России феодальной. Он восторгался героизмом и духовной красотой Пугачева и его сторонников, но отвергал их методы, как «бунт бессмысленный и беспощадный». Нужно раз и навсегда установить, что идейная эволюция Пушкина не получила к концу его жизни полной завершенности, кристаллизации взглядов: она была насильственно оборвана его смертью. Мы можем говорить только о *тенденциях* дальнейшего развития поэта. И памятником трагизма пушкинских попыток самоопределения явилось «Путешествие из Москвы в Петербург», где он подтвердил свои позиции врага рабства и сторонника коренных перемен в общественном укладе России, но где он не смог примирить желание этих перемен с вынужденной обстоятельностью этого времени, да и слабыми сторонами своего мировоззрения, необходимостью ждать «постепенных улучшений».

Мы должны в полной мере оценить попытку Пушкина к сближению с Белинским. Эта попытка должна рассматриваться на фоне общей его позиции в литературной борьбе 30-х годов. В черновике пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург» имеются такие строки:

«Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны. Несмотря на то их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия. Писатели-дворяне... постепенно начинают от них удаляться под предлогом какого-то *неприличия*. Странно, что в то время, когда во всей Европе готический предрассудок противу наук и словесности... почти совершенно исчез, у нас он только что начинает показываться. Уже один из самых плодovitых наших писателей провозгласил, что литературой заниматься он более не намерен, потому что она *дело не дворянское*. Жаль! Конечно, не слишком лестное товарищество некоторых новичков отчасти тому причиною, но разве бесчестное поведение двух или трех выслужившихся *проходимцев* может быть достаточным предлогом

для всех офицеров оставить шпагу и отречься от честного звания воинов!» (XI, 229—230).

Это — декларация принципиального значения. Она показывает, что борьба Пушкина с «выслужившимися проходимцами» не заслоняла для него значения факта вхождения в литературу целой социальной группы разночинцев. Это не значит, конечно, что он переходил в лагерь разночинцев. Мы помним отрицательное отношение Пушкина и в 30-е годы к лозунгу французской революции, призывавшему к плебейской расправе с дворянством. Но нужно вскрыть всю сложность позиций Пушкина. Почему, желая связаться с Белинским, он сказал, чтобы том «Современника» Белинскому передили «тихонько от наблюдателей»? Эти слова весьма знаменательны. «Московский наблюдатель» сплотил литераторов антидемократического направления — Шевырева, Погодина, Мельгунова, Хомякова и других. Они выступали против «площадной» литературы, проповедывали нормы салонно-дворянской эстетики, враждебной Пушкину. И он не мог не сочувствовать Белинскому в этой его борьбе против платформы «Московского наблюдателя».

В 30-х годах мы видим у Пушкина стремление к оценке ряда фактов русской жизни с точки зрения народных масс. Это новые тенденции в его мировоззрении, и мимо них нельзя пройти. Таковы записи в пушкинском дневнике:

«Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян. — Эти четыреста тысяч останутся в их карманах... В обществе ропщут, — а у Нессельроде и Кочубей будут балы — (что также есть способ льстить двору)».

В дневнике Пушкина звучит глубокое сочувствие беспорядку и нищету народу, осуждение дворянства и правительства. 17 марта 1834 года он записывает:

«Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника... Вероятно купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?» (XII, 317, 322).

Укрепление демократизма Пушкина в 30-х годах отражает нарастание протеста в самом народе. Отсюда же — историзм Пушкина. Он руководствовался сформулированной им же установкой: «одна только история народа может объяснить истинные требования оното» (XII, 18).

Работая над историческими темами, Пушкин в своих замыслах 30-х годов со всей четкостью обнажает социальные

противоречия между «верхами» и «низами», антагонизм дворянства и крестьянства. Вспомним его слова:

«Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны» (IX, 375). Характерны и реплики из «Сцен из рыцарских времен», где вскрывается социальный антагонизм и указывается, что справедливости не может быть в обществе, основанном на неравенстве:

Франц: Разве мещанин недостоин дышать одним воздухом с дворянином? Разве не все мы произошли от Адама?

Бергольд: Правда, правда. Но видишь, Франц, уже этому давно: Каин и Авель были тоже братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем — и они не были равны перед богом. В первом семействе уже мы видим неравенство и зависть».

Пушкин все более сознавал, что народным интересам равно враждебны и феодальная система и система «новойшей цивилизации», т. е. буржуазный строй в государствах Западной Европы и Америки. В уничтожающей критике Пушкина лживости, лицемерия, порочности политического строя Англии и США сказывались результаты глубоких размышлений о ходе исторического процесса, об отсутствии действительной свободы в странах, где за ширмой демократической фразеологии все более возрастало порабощение и нищета народа.

Отсюда следует, что невозможно изучать взгляды и творчество Пушкина вне самого широкого и многостороннего изучения его эпохи. Это положение относится также к изучению художественного метода Пушкина и его эстетики. Переворот, который Пушкин совершил в эстетических представлениях своего времени, может быть понят и раскрыт только как прямой ответ на требования современного Пушкину этапа общественно-политического развития России.

Анализ особенностей художественной формы до сих пор является одним из самых слабых мест нашего литературоведения. Теперь, после появления трудов товарища Сталина о марксизме в языкознании, с особенной силой обнаружилась необходимость ликвидации этого недостатка. Как отметил товарищ Сталин, «...у общественных явлений... имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки».¹

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 35.

Отсюда очевидно первостепенное значение изучения эстетики Пушкина и особенностей художественной формы его произведений во взаимоотношении с содержанием.

Мы должны раскрыть во всей глубине тезис Белинского: Пушкин — поэт действительности, раскрыть не только в подтверждающих этот тезис цитатах, а в конкретных исследованиях. Анализируя эстетику Пушкина, нашей науке предстоит показать решительный разрыв Пушкина с нормами старой эстетики.

Необходимо со всей полнотой раскрыть внутреннюю полемичность творчества Пушкина против всего старого в трактовке мира природы и общественных отношений, задач искусства, в понимании эстетического идеала, в подходе к тем или иным жанрам.

Пушкин своими художественными образами выразил тот эстетический идеал, который Чернышевский позже определил словами: «прекрасное есть жизнь». Не мистические идеалы, не идиллия отрешенной от борьбы личности, не экзотика чужих краев, а величие русского национального характера, героика народа, очарование русской природы, действительность в разнообразных ее проявлениях, — вот что являлось содержанием пушкинского творчества.

Когда Жуковский хотел выразить идеал прекрасного, он говорил о «невыразимом», о гении «чистой красоты». Батюшков — поэт иного склада, чем Жуковский, — воплотил представление о прекрасном в эстетизированно-условных образах цветения «душистого мирта» и хотя пластически завершенных, но далеких от «грубой природы» изображений героев греческой мифологии.

Только Пушкин с мастерством гениального художника доказал, что содержанием искусства является «все интересное в жизни» (*Чернышевский*), то, что для дворянской эстетики считалось недостойным искусства, «низким» и что на самом деле является высоким, будучи освещенным идеей жизни, идеей развития, стремлением человека к изменению существовавшего порядка вещей.

Разрыв Пушкина со старой эстетикой, со вкусами и требованиями верхушки дворянского общества стал ясен уже в поэме «Руслан и Людмила». Непосредственные авторские обращения к читателям в «Руслане и Людмиле» — это обращения к передовой молодежи. Именно этот новый круг читателей противопоставляется в поэме злому «бледному критику»:

Ты видишь, добрый мой читатель,
Тут злобы черную печать!

Разрыв Пушкина с «почтеннейшей публикой», с ее взглядами был отчетливо понят приверженцами старины. Отсюда та острая политическая борьба, которая развернулась вокруг поэмы «Руслан и Людмила», отсюда упреки в «оскорблении хорошего вкуса» «площадными шутками». И в этом, сказочном произведении звучит голос поэта — как сына своего времени. В образе Руслана были воплощены глубоко симпатичные передовому поколению читателей черты мужественного, бесстрашного борца со злыми силами. Нельзя забывать и о том, что эпизод осады Киева печенегами, рассказ о сражении, когда Руслан «пал на басурмана», и о ликовании освобожденного русского города, — все это на фоне недавних событий 1812 года вызывало соответствующие ассоциации у читателя. Идейное содержание «Руслана» нельзя понять вне той общественно-политической борьбы «старого» с «новым», которая в других произведениях Пушкина отражена в прямой форме.

Даже ранние поэмы Пушкина, в которых, казалось бы, не содержалось непосредственного отклика на «злобу дня», всегда воспринимались как произведения, посвященные острому вопросу современности. Декабристы восторженно встретили поэмы «Кавказский пленник» и «Цыганы». В этих произведениях, несмотря на романтическую отвлеченность образов, были отражены типические черты героя, протестующего против сложившегося порядка вещей и ищущего иной, свободной жизни. Мотивы пушкинских «южных» поэм многими нитями были связаны с мироощущением передового поколения, с его надеждами и чувствами. Характерен в этом смысле аспект восприятия в то время поэмы «Братья разбойники». П. А. Вяземский писал: «Я благодарил его [Пушкина] и за то, что он не отнимает у нас, бедных заключенных, надежду плавать и с кандалами на ногах».¹

В «южных» поэмах Пушкина содержались отчетливые реалистические тенденции, которые полностью развернулись в «Евгении Онегине», произведении, отразившем, как в зеркале, всю эпоху, охватившем огромный круг вопросов общественной жизни — политических, моральных, литературных и эстетических. Пушкин начал писать свой гениальный реалистический роман в 1823 году, в период, когда он еще находился в полосе романтических увлечений. Ведь к 1823 году относится самая его романтическая поэма «Бахчисарайский фонтан»! Уже это сопоставление дат говорит о сложности эволюции

¹ Остафьевский архив князей Вяземских, т. II, 1899, стр. 327.

художественного метода Пушкина, раскрыть которую во всей полноте — важнейшая задача пушкиноведения. Нужно всесторонне показать всемирно-историческое значение Пушкина как величайшего реалиста. Вместе с тем следует проанализировать процесс преодоления им классицизма и романтизма, как художественных методов.

К сожалению, эволюция Пушкина, как художника, часто упрощается. Это упрощение сказывается и в таком вопросе, как вопрос о романтизме в творчестве Пушкина.

За последнее время в историко-литературных работах, посвященных пушкинской эпохе, стало модным третировать романтизм. Одни говорят о романтизме и пушкинском романтизме как-то стыдливо, другие о нем вообще умалчивают, а третьи — термин «романтизм» относят ко всему плохому в литературе! Если что-то плохо, то потому, что это — «романтизм».

Сравнительно недавно, как мы знаем, на страницах журнала «Октябрь» происходила весьма неудачная дискуссия по вопросу о романтизме в связи с вопросами советской литературы. И на XIII пленуме правления Союза советских писателей, и в нашей печати совершенно правильно критиковали тех вульгаризаторов, которые пытались в социалистическом реализме выделить какое-то самостоятельное романтическое течение, которые неправильно утверждали, что романтизм нашего времени должен якобы «возвышать» действительность.

Некоторые литературоведы из справедливой критики «дискуссии» в журнале «Октябрь» сделали странные выводы и стали пугаться употребления самого термина «романтизм» даже по отношению к романтизму в произведениях Пушкина и декабристов. Предается забвению истина, которая гласит, что нет романтизма «вообще», а есть романтизм разной идейно-политической направленности и разных этапов развития литературы. Романтизм на каждом этапе своеобразен. Это своеобразие выражено и в романтизме 20-х годов XIX века, в период, когда появились «южные» поэмы Пушкина и расцвела революционно-романтическая лирика декабристов. В это время Пушкин и декабристы чрезвычайно ценили романтизм в литературе, провозглашали романтизм своей творческой программой. Белинский говорил: «*Романтизм* — вот первое слово, огласившее *Пушкинский период*».¹ Чем объясняется это

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, 1900, стр. 383.

обстоятельство? Оно объясняется тем, что романтизм в поэзии Пушкина и декабристов был направлен против феодально-крепостнического режима и к тому же в годы, когда революционное движение имело еще узкий характер, когда силы для разгрома абсолютизма и крепостничества еще не вполне созрели. В тех исторических условиях такого рода романтизм, протестующий, воодушевленный мечтой о свободе, был исторически необходим и оправдан. Он был коренным образом отличен от реакционного романтизма в поэзии Жуковского, разоружавшего человека, призывавшего к отказу от борьбы, приводившего к мистицизму.

Революционная романтика в поэзии декабристов содержалась в самой борьбе горстки героев, выступивших на штурм абсолютизма, но с готовностью, если переворот не осуществится, пожертвовать собой для того, чтобы разбудить грядущие поколения. «Исповедь Наливайки», написанная Рылеевым, одним из выдающихся вождей декабристского движения, — звучала в то время пророчески:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

Не ясно ли отсюда, что корни такого рода героизма заключались в исторической действительности России того периода и что он был порожден не отрешением от жизни, а наболениями над действительностью, сочувствием угнетенному положению народа, т. е. самой жизнью.

Этот протест и эта героика питали и революционный романтизм передовых писателей эпохи.

В самом деле, разве романтика в таких произведениях, как «Кавказский пленник» и «Цыганы» Пушкина, как поэмы и «Думы» Рылеева, могла вырасти на литературных источниках? Только то литературное движение может быть живым, которое исходит из требований своего времени, общественно-политической борьбы, которое вызвано потребностями данной страны в данный отрезок времени.

В отличие от западноевропейской романтики, даже в ее революционном выражении, в отличие от протестующей

поэзии Байрона, русский революционный романтизм носил особые, своеобразные черты.

Прежде всего русский революционный романтизм в произведениях Пушкина и декабристов, наряду с критическими задачами, выражающими протест, воплощал в себе и задачи положительные. Отсюда создание положительного образа — протестанта, героя-борца. Но задача создания положительного образа решалась и в лирических стихотворениях. Если рассмотреть в этом плане «К Чаадаеву», «Вольность» Пушкина, «Гражданин» Рылеева, лирику Кюхельбекера, то перед нами встанет обобщенный, синтетический образ положительного героя, для которого цель жизни — борьба за осуществление революционной мечты о свободе, о низвержении деспотизма. Поэтому эти произведения Пушкина и декабристов содержали в себе *реалистические* задания и тенденции.

С этим идейным содержанием революционного романтизма в передовой русской поэзии связана и ее художественная форма, ее символика. Идея, согласно которой счастье не в покое, не в мирном идиллическом существовании, а в борьбе, нашла свое выражение, например, в особом взгляде на природу. В революционно-романтической лирике положительную эстетическую характеристику получала лишь бурная стихия, а природа мирная воспринималась как нечто идейно ущербное и эстетически неполноценное. Вспомните стихи Пушкина:

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?

И дальше призыв:

Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.
(1822)

Сила Пушкина была в том, что он не остановился на романтизме, что и в тех его произведениях, которые современники оценивали как романтические, заключались могучие реалистические тенденции.

И в «Кавказском пленнике» и в «Цыганах» Пушкин ставил перед собой реалистические задачи, но не мог их полностью осуществить вследствие противоречия между замыслом и ограниченными возможностями романтических принципов изображения характера. Как формулировал Пушкин задачу «Кавказского пленника»? По его собственным словам, он ставил задачу создать типичный образ молодого человека XIX века, раскрыть его равнодушие к жизни. Но сама постановка такой

задачи входила в противоречие с чертами романтического метода, который не может раскрыть типический характер в типических обстоятельствах.

В поэме «Цыганы» противоречивость реалистического задания и принципов романтического метода сказывается с еще большей остротой. В основе своей жизненно-правдивое разоблачение иллюзорности ухода от противоречий жизни в «естественную среду», реалистические черты обрисовки быта — все это сочеталось здесь с чисто романтическими эффектами изображения, с романтической обрисовкой характеров.

Итак, при изучении эволюции художественного метода Пушкина нужно показать, как и в романтических произведениях Пушкина нарастали реалистические тенденции, затем как произошло преодоление романтических иллюзий и как совершился полный переход к реализму. При этом мы должны учесть все значение романтизма этого периода как своеобразной ступени на пути к реализму, к методу, нашедшему классическое выражение в «Борисе Годунове», «Графе Нулине», «Полтаве», «Домике в Коломне», «Медном всаднике», «маленьких трагедиях», в прозаических произведениях.

Преодолев слабые стороны романтизма — романтическую отвлеченность, романтическую абстрактность, известную неясность в обрисовке героев, — Пушкин удержал те ценные элементы, которые были в революционном романтизме. Романтизм в творчестве Пушкина был необходимым этапом на пути к реализму и поэтому объявлять этот этап случайным, ненужным эпизодом было бы величайшей ошибкой.

Не лишне вспомнить, что реакционные профессора вроде А. И. Незеленова рассматривали пушкинский романтизм как полосу «ошибок юности», «политических увлечений» и фантастических упований. Конец VI главы «Евгения Онегина» («Так, полдень мой настал...») Незеленов рассматривал как декларацию о «конце юности» и начале новой жизни, в которую Пушкина умчал... присланный Николаем I в Михайловское фельдъегерь.

Но в том же «Евгении Онегине» Пушкин с иронией писал о «покое» и «горшке щей» как венце желаний, а о романтических мечтах говорил вдохновенными словами:

Как часто ласковая Муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!
Как часто, по скалам Кавказа,
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне!

(гл. VIII, стр. 17)

В других местах «Евгения Онегина» и в особенности в черновиках этого произведения он противопоставляет мечтательность гордой юности — жалкой прозе обывательского покоя, скептицизму «благоразумных» людей, которым были чужды романтизм передовой молодежи, пафос борьбы и протеста, была чужда мечта об иной, свободной жизни (но которые, кстати говоря, нередко были приверженцами враждебного Пушкину реакционного романтизма, уводившего человека в мир так называемого «божественного откровения» и «чистой красоты»).

В этом плане огромной заслугой Пушкина-реалиста является защита ценных элементов романтизма периода «южных» поэм. В «Евгении Онегине», этом величайшем реалистическом произведении, содержится защита именно такого рода романтических элементов. О педантах, которым чужда мечтательность, чужды высокие порывы, которые по-молчалински избегают всего, что связано с дерзанием, Пушкин говорит:

.. Жалок тот, кто все предвидит,
Чья не кружится голова...

С едкой насмешкой отзывался он о «благоразумии» тех,

Кто странным сном не предавался...
Кто доброй славы и чинов
Спокойно в очередь добился...

Чрезвычайно любопытно отношение Пушкина к образу Ленского. Ленский справедливо рассматривается во всех литературоведческих работах именно как романтик. Известны также и пушкинские строки об одном из возможных вариантов судьбы Ленского: он мог бы быть «повешен, как Рылеев». Однако, если мы попытаемся обосновать эту пушкинскую гипотезу о возможной судьбе Ленского беловым текстом романа, то мы почти не найдем для этого никаких мотивов. А между тем, если изучать черновики романа, то *такого рода вариант* развития образа Ленского находит для себя подтверждение. В некоторых черновых строфах романтизм Ленского приобретает ярко выраженную политическую окраску и в этом плане противопоставляется политическому скептицизму Онегина.

Из окончательного текста романа мы знаем, что Пушкин видел недостаток Ленского в том, что он не проникал в сущность окружающей жизни, что он был младенчески-восторженным, слишком доверчивым: именно поэтому Ленский мог с годами утратить «пыль души». В черновиках же скептицизм

Онегина противопоставлен не только этим чертам характера Ленского, но и его революционно-романтической настроенности (которая в окончательном тексте развития не получила). Так, первостепенный интерес представляют те места черновиков второй главы, где говорится о том, как Ленский читал стихи Онегину. В числе тем стихов Ленского в вариантах черновиков называются и темы политические — «негодование», «угнетенье». Вся терминология, которой здесь характеризуется образ и поэзия Ленского, это терминология «высокой» гражданской романтической эстетики: «возвышенные чувства», «добро», «слава», «жажда мщенья», «к благу чистая любовь» (вариант: «к людям пылкая любовь»), «доблесть». Все это расширяет представление о Ленском — эгегическом певце любви (хотя и в окончательном тексте девятой строфы некоторые из терминов, характерных для гражданской романтической лирики, остались). Онегин слушал стихи Ленского с обычным скептицизмом. Далее в черновике следовало (в форме лирического отступления) страстное обличение авторов «нечистых» (вариант: «раболепных») стихов и апология «вольной» поэзии:

Но добрый юноша готовый
 Высокий подвиг совершить
 Не будет в гордости суровой
 Стихи нечистые твердить
 Но праведник изнеможенный
 К цепям неправдой присужденный
 В своей <...> в тюрьме
 С лампадой, дремлющей во тьме
 Не склонит в тишине пустынной
 На свиток ваш очей своих
 И на стене ваш вольный стих
 Не начертит рукой безвинной
 Немой и горестный привет
 Для узника грядущих <лет>.

Конечно, эти стихи лишь вариант движения замысла, к тому же тогда совершенно неприемлемый по цензурным условиям. Но все же и как вариант он представляет огромный интерес. А далее в рукописи следовали строки, в косвенной форме также продолжающие апологию героического романтизма, прославляющие «своевольность» и «порывы» страстей в противовес «благоразумной тишине».

То, что Пушкин преодолел слабые стороны романтизма и удержал его сильные элементы, то, что он сумел отвергнуть романтизм как творческий метод, способствовало его исключительно быстрой эволюции по реалистическому пути.

С бóльшей конкретностью следует подходить и к изучению творчества пушкинского реализма. Он обычно определяется как реализм критический. Конечно, сила реализма Пушкина — в критике действительности, во вскрытии несправедливости существовавшего строя, в обличении лжи, лицемерия, жестокости крепостнического дворянства. Но наряду с этим пушкинский реализм был также утверждающим. Величайшей заслугой Пушкина является создание целой галереи разнообразных положительных образов и героических характеров.

Среди них: героические характеры — Пугачев и Кирджали, благородные мстители — Дубровский и Сильвио, пламенная патриотка Полина («Рославлев»), Татьяна в «Евгении Онегине», простая русская девушка из драмы «Русалка» и другие.

В лирической поэзии Пушкина также создавался синтетический образ положительного героя.

Одной из самых типических черт лирического героя пушкинской поэзии является пафос патриотизма и свободолюбия, утверждение гражданской доблести, бесстрашия, стойкости. Создание этого образа было особенно важно в обстановке дикого, террористического режима царской России, особенно в годы последекабрьской реакции, когда нужно было обладать стоической силой сопротивления, чтобы не спавать, не сдаться, не власть в уныние. В этом и было громадное воспитательное, бессмертное значение лирики Пушкина и всего его творчества. Были такие тяжчайшие моменты в жизни Пушкина, в особенности после декабрьского восстания, когда он спрашивал самого себя:

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

(«Предчувствие»)

Пушкин сохранил до конца эту непреклонность, эти черты героического характера вплоть до той минуты, когда, уже смертельно раненый, упав на землю, он собрал остатки сил для того, чтобы все же воспользоваться правом своего выстрела в Дантеса.

Черты героического характера, как типические национальные черты своего народа и лучших людей своего поколения, Пушкин воплотил в своем творчестве.

Зная все это, нельзя раскрывать его реализм только как обличение существовавших порядков, не говоря в то же время об утверждающей силе пушкинского реализма,

о созданных Пушкиным положительных образах. Перед нами стоит задача — охарактеризовать художественный метод Пушкина в своеобразных, присущих именно ему, отражающих именно его время особенностях.

— —

В заключение своего доклада я хочу кратко остановиться на одной большой задаче, которая должна сплотить весь коллектив советских литературоведов. Я имею в виду капитальную работу — «Пушкинскую энциклопедию», большое трехтомное издание, которое Институту русской литературы (Пушкинскому Дому) предстоит создать при участии большого количества работников других научных учреждений в ближайшие годы.

Задача «Пушкинской энциклопедии» — дать на основе марксистско-ленинской науки всестороннее освещение биографии Пушкина, всего его творчества, значения его наследия для культуры социалистической.

Предпринимая это издание, мы знаем, что оно необходимо не только специалистам-литературоведам, оно должно быть полезно и нужно советскому народу и прогрессивным читателям других стран, всем тем, кто стремится овладеть наследием величайшего гения русской культуры.

В этой энциклопедии будут освещены такие темы, как эпоха Пушкина — прежде всего общественно-политическая борьба, Отечественная война 1812 года, декабристское движение. Следует всесторонне показать роль Пушкина в развитии и современной ему литературы и литературы последующей, в развитии русского литературного языка. Мы должны показать оплодотворяющее значение творчества Пушкина в развитии литературы русской и зарубежной, в истории русской критики и общественной мысли, в развитии всей русской культуры — театра, музыки, живописи и других искусств.

Одной из важнейших тем, в разработке которой мы наеемся на помощь Академий наук Союзных Республик, является тема «Пушкин в литературе и искусстве народов СССР». Наконец, особо важной задачей нашей новой большой работы является тема «Пушкин и советская культура». «Пушкинская энциклопедия» должна показать огромное значение Октябрьской революции в изучении и пропаганде пушкинского творчества, всестороннюю разработку пушкинского наследия в советское время, влияние пушкинского творчества

на советскую литературу и советское искусство. Все это представляет собой задачу большой сложности, и мы, как я полагаю, вернемся к обсуждению ее на нашей следующей Всесоюзной Пушкинской конференции.

Нет сомнения, что наши литературоведы справятся с этой большой задачей и что «Пушкинская энциклопедия» будет служить полезным пособием для изучения жизни и творчества величайшего русского национального поэта, обозначившего своим творчеством новую эпоху в развитии русской и мировой культуры.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ПЕРВОЙ и ВТОРОЙ
ВСЕСОЮЗНЫХ
ПУШКИНСКИХ
КОНФЕРЕНЦИЙ

25-27 АПРЕЛЯ 1949 Г.
и
6-8 ИЮНЯ 1950 Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1952